

Къ исторіи начального христіанства на Руси.

(По поводу новаго изслѣдованія г. Аничкова).

Къ числу работъ, въ самое послѣднее время замѣтно стремящихся возбудить въ обществѣ интересъ къ моменту появленія и утвержденія на Руси христіанства и уясненію характера этого начального древнерусскаго христіанства и вмѣстѣ пересмотрѣть заново всѣ данныя, сюда относящіяся, и углубить смыслъ ихъ,—къ числу такого рода работъ позвольте отнести и новую книгу Е. В. Аничкова — «Язычество и древняя Русь», С.-Петербургъ, 1914 г. Изучая древнерусское язычество по даннымъ древнерусской письменности, авторъ этого труда на каждомъ шагу сталкивается съ вопросами — о началѣ христіанства Руси, условіяхъ его появленія и воздействиѣ на народныя массы древней Руси и т. п.

Съ этой именно точки зреія,—съ точки зреія соприкосновенія новой книги г. Аничкова съ вопросами, связанными съ христіанизацией Руси X—XI вв., — намъ и хотѣлось бы разобрать нѣкоторыя болѣе или менѣе оригинальныя положенія, высказанныя г. Аничковымъ.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія устанавливаемый авторомъ фактъ наличности у древнерусскихъ книжниковъ двухъ взглядовъ на язычество: одинъ видѣлъ въ языческихъ богахъ силу и дѣйствіе діавола, считалъ ихъ надѣленными бѣсовской силой (стр. 109—111 и др.); другой на язычество смотрѣлъ, какъ на обоготовленіе твари (стр. 111—113 и др.). Авторъ справедливо первый взглядъ роднить съ построениями богоильства, безусловно оказавшими вліяніе на міросозерцаніе многихъ представителей древнерусского общества (стр. 116—122).

Наличность этого христіанско-богомильского ярко-аскетического взгляда на вещи, рядомъ съ другимъ, болѣе свѣтлымъ — чисто православнымъ, замѣтень въ древней Руси и въ констатируемыхъ авторомъ фактахъ двоякаго отношенія въ то время къ такого рода вопросамъ, какъ вопросъ о пирахъ. Авторъ и самъ кое-что приводить такое, что свидѣтельствуетъ о наличіи тогда въ нашемъ новохристіанскомъ обществѣ двоякаго, непримирамо различнаго настроенія: съ одной стороны болѣе свѣтлое настроеніе (стр. 139), не возбраняющее «того еже пити и ясти и въ законѣ и въ подобно времѧ», утверждающее, что «питие убо умнымъ на веселие есть», разрѣшающее пить три чаши на пирахъ (стр. 158 — 160), сочувствующее христіанскому искусству въ видѣ свѣтлыхъ, съ красивой живописью и добrogласнымъ «четьемъ-пѣтьемъ» (стр. 189—192 и др.), храмовъ и пр.; съ другой стороны встрѣчаемъ отдающее богомильствомъ настойчивое требованіе, рекомендующее «кормлю не сладку, одежду не хупаву, храмы не красни», предписывающее рѣшительно «въздержатися отъ бесѣдъ женьскихъ и отъ меду питья» (стр. 179 и др.) и т. п.

Напрасно пытается авторъ исторически примирить эти два взгляда, слить воедино эти два настроенія. Это различіе взглядовъ было тогда коренное и непримирамое, и еще ярче, чѣмъ въ вопросѣ о пирахъ, сказалось во взглядѣ на женщину: если одни видѣли въ послѣдней сосудъ діавольскій, предметъ нечистый, оскверняющій, то съ другой стороны слышалось недоумѣвающее — «чимъ жена погана»? (см. «Вопрошаніе Кириково»).

Гетцъ вполнѣ, думается, справедливо видѣть отзвукъ борьбы этихъ двухъ непримирамо-противоположныхъ теченій тогдашней русской богословской мысли въ извѣстной исторіи увлеченія Ветхимъ Завѣтомъ Никиты Затворника и отгнанія отъ него «бѣса» братіей во главѣ съ игуменомъ Никономъ¹⁾). Въ соотвѣтствіе съ этимъ и проф. Н. К. Никольскій, на основаніи глубокаго знакомства съ древнерусской письменностью, отмѣчаетъ въ древнерусской жизни два разныхъ до противоположности пониманія христіанства — съ одной стороны свѣтло-жизнерадостное и ря-

1) См. его «Das Kiever Höhlenkloster...», Passau, 1914, стр. 62—65.

домъ съ нимъ — крайня богоильско-аскетической тенденціи, устанавливавшія взглядъ на женщину, мясо и вино, какъ на скверну, по его словамъ — начавшія упрочиваться на Руси около 70 годовъ XI вѣка¹⁾.

Другой, останавливающій на себѣ наше вниманіе, вопросъ, поднятый г. Аничковымъ, касается того, — кто именно на Руси усвоилъ сперва христіанство? Аничковъ склоненъ полагать, что при Владимірѣ христіанами оказалась собственно лишь русская знать, особый «этнографически-сословный» высшій слой русского общества. Сужденіе это, конечно, стоитъ въ тѣсной связи съ норманистскимъ взглядомъ автора на начало Руси, касаться котораго мы здѣсь не намѣрены²⁾.

Взглянемъ на другія основы этого миїнія. Прежде всего, и норманисты признаютъ, что «свободное населеніе древней Руси дѣлится только на классы, сословныхъ различій въ его средѣ не существуетъ», что «разноплеменность не отразилась замѣтнымъ образомъ на различіи соціальныхъ группъ» древней Руси, что «довольно рано произошло слитіе сравнительно немногочисленныхъ неславянскихъ элементовъ съ славянами»³⁾. Стало быть, нельзя такъ рѣзко обособлять «варяжскую» знать вообще и въ частности въ дѣлѣ христіанизациіи отъ прочаго населения, какъ это дѣлаетъ авторъ (см. стр. 169—171 и др.).

Если, затѣмъ, Нечерская обитель, по словамъ автора, «стоить и想要 стать ближе къ князьямъ и ихъ дружинѣ, чѣмъ къ митрополичьему двору» (стр. 175), то это не потому, что она будто-бы носила особый сословно-дружины характеръ, а въ силу чужеземнаго характера митрополичьяго двора и стоявшей въ связи съ нимъ национально-церковной борьбы, въ известной мѣрѣ тогда на Руси несомнѣнной⁴⁾; но самъ то этотъ монастырь носилъ явно народный характеръ, такъ ярко подчеркнутый современникомъ-лѣтописцемъ, замѣтно отличавшій эту обитель

1) См. статью его «О древне-русскомъ христіанствѣ» — «Русская Мысль», 1913 г., іюнь.

2) Мы дали посильную критику крайняго норманизма въ своей книгѣ «Начало христіанства Руси», Полтава, 1913 г., гл. 3, 4 и др.

3) См. напр. у академика М. А. Дьяконова въ его «Очеркахъ общественного и государственного строя древней Руси», Сиб., 1908 г. (2 изд.), стр. 68—69 и др.

4) См. особенно въ новомъ изслѣдованіи М. Д. Приселкова — «Очерки по церковно-политич. исторіи Кіев. Руси X—XII вв.», Спб., 1913 г.

оть тѣхъ, «кои оть цесарь и оть бояръ и оть богатства поставлени»¹⁾. Связь духовенства съ князьями и боярами носила не столько сословный, сколько экономический характеръ: авторъ правъ, когда въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что «духовенству нужны были и княжеская ласка, и княжеская щедрость» (стр. 177)...

Далѣе заслуживаетъ вниманія обоснованное утвержденіе автора, что наша княжеская дружина X вѣка должна была носить и дѣйствительно носила характеръ организаціи, объединенной единствомъ вѣры (стр. 262, 319). И, дѣйствительно, если мы вникнемъ въ историческіе факты на этотъ счетъ эпохи Святослава и Владимира и согласимся въ данномъ случаѣ съ авторомъ, то, вопреки затѣмъ ему же и его руководителямъ по этому вопросу, должны будемъ заключить, что и Игорева дружины, стало быть, должна была носить такой-же однокомпактный въ религіозномъ отношеніи—именно языческій—характеръ, и тогда уже не будемъ относительно ея расширять смыслъ показаній Игорева договора съ Византіей, какъ это допускаютъ теперь всѣ съ легкой руки Е. Е. Голубинскаго.

Остановимся еще на одномъ вопросѣ: именно, авторъ приписываетъ Владиміру, послѣ воکняженія его въ Кіевѣ, учрежденіе, въ цѣляхъ политического объединенія Руси, въ Кіевѣ для народа особаго военно-дружинаго языческаго культа во главѣ съ Перуномъ (стр. 262 и сл., 321 и сл.), въ связи съ чѣмъ авторъ ставить скорое забвеніе затѣмъ именъ этихъ новыхъ боговъ въ русскомъ обществѣ (стр. 262, 268 и др.).

Но, во-первыхъ, у самого автора найдется немало данныхъ въ пользу того, что и въ XI, и въ XII в. языческіе боги еще не совсѣмъ умерли для Руси (срав. напр. стр. 329 и сл., 341—342 и др.); во-вторыхъ, недавнія археологическая находки въ Кіевѣ на усадьбѣ д-ра Петровскаго позволили археологамъ установить фактъ существованія въ Кіевѣ грандіознаго языческаго капища въ эпоху болѣе раннюю Владиміровой²⁾.

1) «Лаврент. лѣто», изд. 1872 г., стр. СПБ., 155—лѣто 6559.

2) См. кн. В. В. Хвойки «Древніе обитатели средняго Поднѣпровья...», Кіевъ, 1913 г., стр. 66—69,

Фактъ постановки въ Кіевѣ при воинственіи Владимира новыхъ идоловъ мы объясняемъ иначе, ставя его въ связь съ христіанскимъ состояніемъ предыдущаго князя Ярополка¹); но въ данномъ положеніи автора, думается, есть доля исторической правды, поскольку онъ указываетъ на стремленія Владимира и до христіанства такъ или иначе разрешить вопросъ о государственной религіи, связать вѣру съ государствомъ, а съ другой стороны религіозно объединить два обособленныхъ центра—Кіевъ съ Новгородомъ—въ виду начавшагося лишь тогда ихъ политического объединенія (въ связь съ этимъ нужно поставить миссію Добрыни въ Новгородѣ).

Мы коснулись лишь нѣсколькихъ вопросовъ, затронутыхъ въ своей новой книгѣ г. Аничковымъ; содержаніе ея, конечно, гораздо богаче. Говоря-же вообще объ этой новой книгѣ, мы должны указать слѣдующее: у автора часто чувствуется слабая фактическая почва подъ ногами, почему некоторые его построенія висятъ въ воздухѣ; съ другой стороны книга издана довольно небрежно—обиліе опечатокъ порою затрудняетъ чтеніе ея.

Владиміръ Пархоменко.

Тифлісъ.

13 апрѣля 1913 г.

1) См. 18 гл. уп. книги нашей «Начало христіанства Руси».